

УДК 39:94(470.55)

DOI <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.24.106>

Корё сарам на Южном Урале в 1989–2002 гг. (на материалах Челябинской области)

А. А. Авдашкин

Южно-Уральский государственный университет, Россия

Аннотация. Рассмотрен социокультурный облик и деятельность национально-культурных обществ российских корейцев Челябинской области в 1989–2002 гг. На основе архивных документов, материалов местных периодических изданий и прессы корейской диаспоры реконструированы этнокультурные и миграционные процессы с участием корё сарам в региональном измерении. В рассматриваемый исторический период в результате трудовых и вынужденных миграций из государств Центральной Азии на Южном Урале возросла общая численность российских корейцев (корё сарам). При этом произошла активизация этнокультурного самосознания данной диаспорной группы, организованы культурные центры и общества корейской культуры. В Челябинске возник корейский культурный центр, действовали курсы корейского языка, истории и культуры.

Ключевые слова: Южный Урал, Челябинская область, диаспоры, российские корейцы, миграции, идентичность диаспор.

Для цитирования: Авдашкин А. А. Корё сарам на Южном Урале в 1989–2002 гг. (на материалах Челябинской области) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 24. С. 106–117. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.24.106>

Введение

Укрепление экономических, политических и культурных связей России и стран Восточной Азии создает благоприятные условия для формирования новых и развития уже существующих азиатских диаспор в российских регионах. Феномен диаспорных групп, активизация их самосознания и развитие институциональных форм организации этнических меньшинств напрямую связаны с возросшей в последние десятилетия мобильностью населения и трансляцией культурных практик. Это стимулирует интерес историков и антропологов к изучению новейшей истории диаспор в России.

Корейская диаспора сегодня представлена во многих странах мира, включая и государства постсоветского пространства¹. Появление в нашей стране корейцев относится к середине XIX – началу XX в. В более чем полуторавековой истории корё сарам можно выделить три периода: «дальневосточный» – с момента переселения корейцев в Россию и до выселения в 1937 г.; «среднеазиатский», который связан с депортацией и проживанием

¹ Согласно результатам переписи 1989 г. в РСФСР проживало 107 тыс. корейцев, в 2002 г. – 148 тыс., в 2010 г. – 153 тыс. человек. Всего в мире проживает 82,5 млн корейцев.

основной части корейцев в Казахстане и Узбекистане до распада СССР; «постсоветский» – с 1991 г. и до наших дней, – характеризующийся значительной миграционной подвижностью корейцев, их расселением за пределы Средней Азии.

В научной литературе уже основательно изучены темы, относящиеся к «дальневосточному» и «среднеазиатскому» этапам истории российских корейцев [Бугай, 2014а]. Между тем именно «постсоветский» период наиболее динамичен. Этот этап связан с созданием корейских национально-культурных организаций и появлением связей с исторической родиной. Формируется сообщество «евразийских» корейцев [Бугай, 2014б; Тен, 2017].

Складывается и региональная историография по теме. Численность корейцев на Урале составляет по данным переписи населения 2010 г. всего 4,8 тыс.² человек. Несмотря на это, внимание историков к данной диаспорной группе в последние годы только усиливается. И. Ю. Москвин [2014] рассмотрел этнокультурное развитие корейцев Южного Урала на современном этапе. М. С. Каменских [2015, 2016] подготовил комплексные работы по истории и этнографии корейцев Перми. Однако «корейская» проблематика на уральском материале не исчерпана как тематически, так и регионально, отсутствуют специальные исторические работы, посвященные корейцам в территориальных рамках Челябинской области.

В представленной статье рассматривается социокультурный облик корейцев, создание и деятельность корейских национально-культурных организаций на материалах Челябинской области в 1989–2002 гг.

Социокультурный облик представляет совокупность характеристик, присущих российским корейцам как диаспорной группе: динамика численности корё сарам и обстоятельства их появления в изучаемых территориальных рамках, распределение в городской и сельской местности, гендерное соотношение, степень владения корейским языком и участие в миграциях. Схожесть данных параметров позволяет говорить о формировании локальной диаспорной общности.

Хронологические границы обусловлены проведением переписи населения 1989 и 2002 гг. В этот период в Челябинской области произошел численный рост представителей исследуемой этнической группы, возникли культурные, образовательные и спортивные общества корейской диаспоры.

Материалы

Основу источниковой базы составили архивные документы Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО). В статистических таблицах фонда областного комитета государственной статистики (Р-485) систематизированы результаты переписи населения 1989–2002 гг. и микропереписи 1994 г. Документы этого фонда содержат статистическую информацию об основных характеристиках социокультурного облика группы:

² В составе Урала учтены следующие субъекты Российской Федерации: Челябинская, Оренбургская, Курганская, Свердловская и Пермская области, Республики Башкирия и Удмуртия. Данные по состоянию на 2010 г.

общая численность; социально-экономическая среда проживания; гендерное соотношение; особенности языковой ситуации.

Сведения о создании и культурно-просветительской деятельности корейского культурного центра обнаружены в фондах челябинского отделения Всероссийского фонда культуры (П-2), областного Совета народных депутатов (Р-274), областной администрации (Р-700), главных управлений Министерства юстиции (Р-1041) и культуры Челябинской области (Р-1589).

Годовые отчеты о преподавании на родном языке фонда главного управления образования и науки Челябинской области (Р-1000) содержат данные о численности учащихся, изучавших в школе корейский язык.

Значимым страницам жизни корейцев региона посвящены материалы в печатных изданиях («Кизильский вестник», «Корейская диаспора», «Российские корейцы», «Советское село», «Челябинский рабочий», «Южноуральская панорама») и страницы новостного портала Uralpress.

В завершение обзора источников отметим, что образование, брачность, профессиональная занятость и иные важные характеристики по разным причинам не отражены в изученных источниках, поэтому полную реконструкцию социокультурного облика осуществить не удалось.

Изменения социокультурного облика диаспорной группы

Миграция корейцев на Южный Урал включала в себя два основных этапа. Во второй половине 1930-х – первой половине 1950-х гг. большая часть корейцев проживала в Казахстане и Узбекистане. Первый этап связан с отменой режима спецпоселения в 1954 г., когда молодые корейцы получили возможность покинуть места ссылки и приезжали на Урал учиться. В течение 1950–1980-х гг. происходил постепенный рост численности корейцев в крае. Второй этап связан с распадом СССР. В постсоветские годы в результате миграций из республик Центральной Азии численность корейцев на Южном Урале возросла почти в 3 раза (табл. 1).

Таблица 1

Численность корё сарам на Южном Урале в 1939–2010 гг.³

Субъект Российской Федерации	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Республика Башкортостан	32	–	183	237	722	777
Челябинская область	291	449	404	463	959	905
Оренбургская область	85	–	256	385	1321	2080
Всего	408	449	843	1085	3002	3762

Из представленной таблицы следует, что после 1989 г. по численности корейцев в южноуральском регионе «лидировала» Оренбургская область. Это было вызвано тем, что Оренбург с середины 1990-х гг. стал весьма привлекателен для торговли среди граждан корейской национальности из Китая и Северной Кореи [Корейский синдром]. Кроме того, Оренбургский край исторически имел больше различных связей со Средней Азией, куда

³ Составлено и подсчитано по: [Переписи населения ...].

были высланы российские корейцы в 1930-е гг. Вероятно, эти связи обрели новое содержание после распада СССР и способствовали притоку корейцев в регион.

Появление большинства корейцев в результате трудовых миграций и их занятость в сфере малого бизнеса обусловили преобладание среди них городского населения (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение городского и сельского населения в 1989, 2002 гг.⁴

Год	Городское население	Сельское население
1989	432	31
2002	845	114

Кроме того, исторически особенностью переселения корейцев в Россию являлась семейная миграция, что сказывалось на гендерном соотношении. К началу 2000-х гг. оно выглядело примерно равным (табл. 3). Это отличает корейцев от других «новых» диаспорных групп, которые складывались в это время (армяне, азербайджанцы, таджики и др.). В основном миграция происходила в составе сложившихся семей.

Таблица 3

Соотношение женщин и мужчин в корейской этнической группе Челябинской области в 1989, 2002 гг.⁵

Год	Мужчины	Женщины
1989 г.	295	168
2002 г.	547	412

Корейский язык считался родным незначительным числом представителей рассматриваемой диаспорной группы. Так, в переписи населения этот показатель не превысил даже 16 %. Микроперепись населения, прошедшая в 1994 г., показала, что корейский считали родным не более трети опрошенных [ОГАЧО, ф. Р-485, оп. 27, д. 574, л. 3; Оп. 29, д. 1, л. 83]. Из программы переписи в постсоветские годы исключили графу «родной язык» и заменили формулировкой «владение языком». Согласно данным переписи населения 2002 г., численность жителей области, владевших корейским языком, составила 39 % от общей численности корейцев. Иными словами, мы можем предполагать, что около трети представителей корейской этнической группы Челябинской области владели корейским языком [Всероссийская перепись населения ... , 2002].

Важно отметить, что у корейцев не возникало языковой проблемы, они хорошо владели русским языком. Это связано, прежде всего, с постепенным снижением коммуникативных функций корейского языка в местах компактного проживания корейцев в Средней Азии. Если в 1950–1970-е гг.

⁴ Составлено и подсчитано по: [ОГАЧО. Ф. Р-485, оп. 27, д. 496, л. 4–160; Д. 498, л. 7–138; Оп. 28, д. 145, л. 10–174; Д. 146, л. 7–181; Д. 147, л. 7–189; Д. 148, л. 7–191].

⁵ Составлено и подсчитано по: [ОГАЧО. Ф. Р-485, оп. 27, д. 496, л. 4–160; Д. 498, л. 7–138; Оп. 28, д. 145, л. 10–174; Д. 146, л. 7–181; Д. 147, л. 7–189; Д. 148, л. 7–191].

в корейских колхозах⁶ еще сохранялась возможность использовать корейский язык в повседневном общении, то, по мере переселения корейцев в 1980–2000-е гг. в «городскую» полиэтничную среду, его функциональная роль заметно слабела. На первый план выходило знание русского языка. В аналогичный период сужалась сфера применения корейского языка и в Казахстане [Ким, 2003, с. 137]. Уровень знания родного языка становился все ниже от поколения к поколению.

Вместе с тем общей тенденцией для многих сообществ российских корейцев являлось желание изучать родной язык.

Однако по данным микропереписи 1994 г. на корейском языке говорили дома и в кругу семьи не более 9,5–10 %⁷ корейцев региона [ОГАЧО, ф. Р-485, оп. 29, д. 1, л. 141–143]. Можно ли утверждать, что интерес к изучению корейского языка стимулировал его применение в семье? Остается открытым вопрос, на каком уровне им владели в семьях? Дело в том, что многие элементы традиционной культуры корейцами в значительной степени утрачены, а знание корейского языка поддерживалось в основном представителями старшего поколения.

Социальные и экономические трудности в республиках Центральной Азии, связанные с «переходным» периодом после распада СССР, вызвали рост миграционных потоков. В них оказались вовлечены и корейцы. В основном они уезжали в Россию, где работали в сфере строительства и общественного питания. Своего рода «брендом» российских корейцев в этот период стали блюда корейской кухни, наиболее узнаваем из которых салат из моркови («корейская морковь»).

По свидетельству корейской семьи, приехавшей в эти годы из Казахстана, они «...оставили в Аркалыке большой дом, фермерское хозяйство. А что делать? Разруха и запустение... Недавно приехал наш знакомый оттуда. Он продал свою трехкомнатную квартиру по цене норковой шапки... Нам пришлось бросить все...» [Южноуральская панорама, 2000, с. 7]. Из газетной публикации известно, что данная семья, приехав в Челябинск, занялась изготовлением блюд корейской кухни. В то время они являлись «экзотикой» для южноуральской столицы.

Встречались случаи сезонной трудовой миграции. Так, в Кизильском и Варненском районах в 1996–1998 гг. работал десяток семей корейских овощеводов из Ташкента и Кустаная. Их дети учились в школе села Обручѣвка. Овощи выращивались для ТОО «Богдановское». Часть продукции овощеводы продавали сами, а на заработанные деньги потом жили в Узбекистане до следующей «командировки» [Кизильский вестник, 1996, с. 1; 1998, с. 1]. В хозяйстве «Покровское» Варненского района трудилась большая бригада из Казахстана (47 чел.). Работать приезжали семьями. Многие имели большой опыт работы в сельском хозяйстве еще в Казахстане. Около 80 %

⁶ Места компактного проживания на территории КазССР, УзбССР («Политотдел», «Полярная Звезда», «Северный маяк», им. Димитрова, им. Свердлова и т. д.).

⁷ Доверительный интервал составил 95 %. Из-за особенностей выборки и генеральной совокупности высока погрешность, поэтому приведены максимальные значения.

выращенного урожая (свыше 60 т) отдавали хозяйству, 20 % сами продавали на рынке [Советское село, 1997, с. 2; 1998, с. 3].

Широких масштабов достигли в 1990-е гг. вынужденные миграции из республик бывшего СССР. Известно, что в 1992–1997 гг. официальный статус вынужденных переселенцев и беженцев в Челябинской области получили 20 корейцев [Суворова, Журавлев, Иванова, 1997, с. 12].

Создание и деятельность обществ корейской культуры в Челябинске

Отдельного внимания заслуживают трансформации ментальности и деятельность обществ корейской культуры. Очевидно, что репрессии 1937 г. отрицательно сказались на идентичности российских корейцев. На несколько десятилетий проблемы этой этнической группы фактически исчезли из общественно-политической повестки. В результате в советское время наметилась тенденция к постепенному исчезновению традиционной культуры, сокращалась среда применения корейского языка.

На волне демократизации общественной жизни в среде корейцев стало зарождаться общественное движение за установление связей с исторической родиной. Имидж Республики Корея, которая добилась значительных экономических успехов и высокого уровня благосостояния населения, вносил определенный вклад в повышение статуса корейской диаспоры. Кроме того, одновременно с увеличением численности в результате миграций активизировалось и этнокультурное самосознание корейцев. В конце 1980-х – начале 2000-х гг. в Челябинской области возникло несколько десятков национально-культурных объединений. Процессы этнокультурного возрождения затронули и российских корейцев. В условиях роста интереса местных корейцев к своему культурному наследию возникли национально-культурные общества, открывались языковые классы и школы, начала работать секция корейского спорта – тхэквондо. Корейская диаспора развернула заметную культурную и просветительскую работу. Налаживались культурные связи с обществами российских корейцев в других частях России и за рубежом.

В 1993 г. в Челябинске создается корейский культурный центр. В его задачи входило совершенствование межнациональных отношений и взаимное обогащение национальной культуры, изучение и пропаганда корейского языка, корейских национальных и культурных традиций [ОГАЧО, ф. П-374, оп. 1, д. 39, л. 8; Ф. Р-1041, оп. 6, д. 1812, л. 73–74]. На первое собрание центра пришла половина челябинских корейцев (около 200 человек). Оказалось, что большинство из них не знали корейского языка и традиций. Председатель центра В. Ч. Пак сказал тогда следующее: «Только через образование мы сможем чего-то достичь» [ОГАЧО, Ф. П-2, оп. 1, д. 81, л. 8; Лузин, 2012, с. 131].

Отметим фиксированное членство активистов центра, чего не замечено у других национальных общественных объединений региона. В архивных документах найдены сведения, что на первых этапах своей деятельности

корейский культурный центр объединил более 40 постоянных членов [ОГАЧО, ф. Р-274, оп. 10, д. 3835, л. 25].

Совещание при областной администрации по вопросам межнациональных отношений в 1995 г. показало, что корейская диаспора принимала активное участие в общественной жизни города. Корейский культурный центр много внимания уделял воспитанию детей и молодежи, привлекал их к изучению родного языка и истории Кореи, занятиям национальным единоборством (тхэквондо), изучению корейского народного искусства и танцев [ОГАЧО, ф. Р-1589, оп. 1, д. 2966, л. 38]. Есть данные о создании хозяйственных объединений. Так, в середине 1990-х гг. в Челябинске открылось кафе корейской кухни [ОГАЧО, ф. Р-1041, оп. 6, д. 904-б, л. 3].

Налаживались контакты с исторической родиной. По словам В. Ч. Пак, «лишь с перестройкой появился просвет в судьбе корейцев, лишь с развитием демократии и гласности о нашем существовании узнали в Южной Корее...» [Челябинский рабочий, 1996, с. 2]. Учебные пособия и методические материалы для занятий присылали в Челябинск из Сеула [Челябинский рабочий, 1993, с. 1].

Развивались культурно-просветительские учреждения. В 1993/94 учебном году корейский язык изучало 80 учащихся 1–4-х классов [ОГАЧО, ф. Р-1000, оп. 1, д. 5302, л. 1]. Также факультативные занятия по корейскому языку проводились на базе школы № 50 г. Челябинска. Эффективным способом приобщения к национальной культуре стали танцы. При ДК ЧЭМК создали хореографическую студию корейских танцев [Челябинский рабочий, 1996, с. 2]. Совместная организация и проведение праздников позволяли сплотить людей, укрепить индивидуальную и коллективную этнокультурную идентичность. Активистами культурного центра проводились корейские национальные праздники [ОГАЧО, ф. Р-700, оп. 1, д. 582, л. 4], например новый год по лунному календарю («сольналь»).

Центр корейской культуры сотрудничал с Челябинским отделением фонда культуры, который выделял средства на укрепление материальной базы национально-культурного общества, помогал представителям центра в организации командировок в Южную Корею в целях культурного обмена и налаживания связей [ОГАЧО, ф. П-2, оп. 1, д. 87, л. 34; д. 89, л. 6].

В 1998 г. при содействии областной администрации и управления образования г. Челябинска была создана воскресная школа по изучению корейского языка [ОГАЧО, ф. Р-700, оп. 1, д. 582, л. 6]. Председатель центра В. Ч. Пак оказался единственным в Челябинской области специалистом по корейскому языку. В 1999 г. он прошел образовательные курсы при центре просвещения посольства Южной Кореи [Лузин, 2012, с. 131]. В ноябре 1999 г. делегация из Челябинска посетила семинар преподавателей корейского языка стран СНГ в г. Алматы (Казахстан) и IV съезд Ассоциации российских корейцев [Российские корейцы, 1999, с. 2; Корейская диаспора, 1999, с. 8]. Диаспора имела прочные контакты с посольством Южной Кореи, культурный центр принимал участие в образовательных проектах, конкурсах на соискание стипендий для учащихся национальной школы [Государство и

национально-культурные ... , с. 93]. Посольство поддерживало воскресную школу необходимыми учебными пособиями и техникой. В школе действовали три детских группы и одна для взрослых [Пак, 2000, с. 43].

В сентябре 2000 г. консул Южной Кореи в России Чой Джэ Кын, находившийся с визитом в Челябинской области, посетил корейский культурный центр и воскресную школу [Генеральный консул ...]. Школе обещали оказать помощь с обеспечением наглядными пособиями и компьютерами, которые позволили бы существенно расширить образовательные возможности [В Челябинской области ...]. В 2000 г. прошел праздник корейской культуры. С помощью публичных мероприятий укреплялось единство в местной корейской общине, южноуральцы получали возможность увидеть колорит корейской культуры (национальные костюмы, кухня и т. д.). В воспитании традиционных национальных черт характера детям и молодежи помогала школа боевых искусств «Коре», где изучалось боевое искусство тхэквондо [В Челябинске состоялся ...].

Корейский культурный центр принимал участие в организации и проведении культурных акций не только для «своей» аудитории, но и для других народов Челябинской области совместно с другими национальными обществами [ОГАЧО, ф. Р-1589, оп. 1, д. 3127, л. 147, 152].

В 2001 г. директор воскресной школы В. Ч. Пак принял участие в семинаре о корейской культуре, организованном международным фондом по поддержке зарубежных корейцев. Деятельность Челябинской воскресной школы отметили за применение нестандартных методов обучения языку: песни, танцы, совершение корейских национальных обрядов [Вайнгардт]. Благодарные ученики отметили плодотворную работу В. Ч. Пака, написав письмо в редакцию газеты «Российские корейцы»: «Школа обеспечена учебно-методическими материалами и видеотехникой... в программу обучения входит пение, мы участвуем в мероприятиях корейского культурного центра, знакомимся с историей и культурой. Все это мы имеем благодаря усилиям организатора наших занятий В. Ч. Пака. Спасибо ему за это» [Российские корейцы, 2001, с. 8].

Заключение

В среде российских корейцев в постсоветский период протекали противоречивые процессы, которые можно наблюдать и на примере Челябинской области. Динамика развития корейской диаспорной группы региона показывает пластичность феномена диаспор, его подверженность историческим трансформациям. Иными словами, деятельность диаспорных сообществ может «затухать» в зависимости от того, насколько значима в обществе публичная этничность в тот или иной исторический момент. Всплеск публичной активности корейской диаспоры области в 1990-е – начале 2000-х гг. был вызван, с одной стороны, притоком в регион мигрантов корейской национальности из Казахстана и Узбекистана, а с другой – созданием и деятельностью общественных организаций народов региона. Актуализация корейской идентичности сопровождалась созданием соответствующей инфраструктуры

(национально-культурные общества, проведение праздников, языковые кружки и др.). В наши дни диаспора постепенно снижает свою активность и уже менее заметна в этнокультурном пространстве края.

В дальнейшем при подготовке работ по поднятой проблеме необходимо расширение эмпирической базы, территориальных и хронологических рамок, что позволит осуществить комплексное историко-этнографическое исследование российских корейцев на материалах Южного и Среднего Урала.

Источники

В Челябинске состоялся праздник корейской национальной культуры [Электронный ресурс] // Uralpress. URL: <http://uralpress.ru/news/2000/10/30/v-chelyabinske-sostoyalsya-prazdnik-koreiskoi-natsionalnoi-kultury> (дата обращения: 10.10.2017).

В Челябинской области пройдут дни корейской культуры [Электронный ресурс] // Uralpress. URL: <http://uralpress.ru/news/2000/09/18/v-chelyabinskoi-oblasti-proidut-dni-koreiskoi-kultury> (дата обращения: 10.10.2017).

Вайнгарт А. Челябинскую воскресную корейскую школу отметили в Стране утренней свежести [Электронный ресурс] // Uralpress. URL: <http://uralpress.ru/news/2001/11/19/chelyabinskuyu-voskresnyuyu-koreiskuyu-shkolu-otmetili-v-straneutrennei-svezhesti> (дата обращения: 10.10.2017).

Всероссийская перепись населения 2002 г. Распространенность владения языками по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // Uralpress. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=78> (дата обращения: 10.10.2017).

Генеральный консул Южной Кореи знакомится с Челябинском [Электронный ресурс] // Uralpress. URL: <http://uralpress.ru/news/2000/09/15/generalnyi-konsul-yuzhnoi-korei-znakomitsya-s-chelyabinskom> (дата обращения: 10.10.2017).

Кизильский вестник. 1996. 19 октября. С. 1.

Кизильский вестник. 1998. 1 августа. С. 1.

Корейская диаспора. 1999. Апрель. С. 8

Корейский синдром [Электронный ресурс] // Вечерний Оренбург. URL: <http://www.vecherniyorenburg.ru/cat135/show3055/> (дата обращения: 28.08.2018).

ОГАЧО. Ф. П-2. Оп 1. Д. 81. Л. 8.

ОГАЧО. Ф. П-2. Оп 1. Д. 87. Л. 34.

ОГАЧО. Ф. П-2. Оп 1. Д. 89. Л. 6.

ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 3835. Л. 25.

ОГАЧО. Ф. П-374. Оп. 1. Д. 39. Л. 8.

ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 27. Д. 496. Л. 4–160.

ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 27. Д. 498. Л. 7–138.

ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 27. Д. 574. Л. 3.

ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 28. Д. 145. Л. 10–174.

ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 28. Д. 146. Л. 7–181.

ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 28. Д. 147. Л. 7–189.

ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 28. Д. 148. Л. 7–191.

ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 29. Д. 1. Л. 83, 141–146.

ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 582. Л. 4, 6.

ОГАЧО. Ф. Р-1000. Оп 1. Д. 5302. Л. 1.

ОГАЧО. Ф. Р-1041. Оп. 6. Д. 1812. Л. 73–74.

ОГАЧО. Ф. Р-1041. Оп. 6. Д. 904–6. Л. 3.

ОГАЧО. Ф. Р-1589. Оп. 1. Д. 2966. Л. 38.

ОГАЧО. Ф. Р-1589. Оп. 1. Д. 3127. Л. 147, 152.

Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств [Электронный ресурс] // Демоскоп-weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 10.10.2017).

Российские корейцы. 1999. № 4. С. 2.

Российские корейцы. 2001. Октябрь. С. 8.

Советское село. 1997. 1 сентября. С. 2.

Советское село. 1998. 9 февраля. С. 3.

Челябинский рабочий. 1996. 21 марта. С. 2.

Челябинский рабочий. 1993. 26 января. С. 1.

Южноуральская панорама. 2000. 2 декабря. С. 7.

Список литературы

Бугай Н. Ф. 150 лет добровольному переселению корейцев в России: трансформации этнической общности (историография проблемы) // Ист. и соц.-образоват. мысль. 2014а. № 1. С. 16–27.

Бугай Н. Ф. Общественно-политическая деятельность корейцев России и политическая культура // Белые пятна рос. и мировой истории. 2014б. № 1–2. С. 26–55.

Государство и национально-культурные объединения: социальное партнерство. Челябинск : Правительство Челяб. обл., 2004. 96 с.

Каменских М. С. Современные аккультурационные процессы и представления о семейном укладе и собственной идентичности у российских корейцев Пермского края // Вестн. Перм. науч. центра. 2015. № 4. С. 76–83.

Каменских М. С. Корейцы Перми: история и культура. СПб. : Маматов, 2016. 64 с.

Ким Г. Н. Об истории принудительно-добровольного забвения «родного» языка постсоветскими корейцами (на примере Казахстана) // Диаспора. 2003. № 1. С. 112–147.

Лузин Л. Н. Планета Южный Урал: живая энциклопедия народов Челябинской области. Челябинск : Авто Граф, 2012. 408 с.

Москвин И. Ю. Этнокультурное развитие корейского этноса в Уральском регионе на современном этапе // Корё сарам в Урало-Казахстанском регионе : материалы межрегион. круглого стола, посвящ. 150-летию добровольного переселения корейцев в Россию. Оренбург, 2014. С. 52–56.

Пак В. Ч. Нравственное воспитание и национальные традиции корейцев // Международный форум «Дети – молодежь – общество. Проблемы воспитания патриота и гражданина в современных условиях» (Челябинск, 18–19 мая 2000 г.). Челябинск, 2000. С. 41–44.

Суворова Н. Н., Журавлев А. В., Иванова Т. М. Анализ миграционных процессов на территории Челябинской области. Челябинск, 1997. 34 с.

Тен М. Д. Корейцы СНГ: от общей истории к единому этнокультурному сообществу евразийских корейцев // Идеи и идеалы. 2017. № 1. С. 35–50.

Koryo Saram in the Southern Urals in 1989–2002 (on the Materials of Chelyabinsk Region)

A. A. Avdashkin

South Ural State University, Russian Federation

Abstract. In the article, the socio-cultural image and activity of national-cultural societies of Russian Koreans of the Chelyabinsk region in 1989–2002 are presented. In this historical period, as a result of labor and forced migrations from Central Asian countries in the Southern Urals the total number of Russian Koreans («Koryo saram») has increased substantially. At the same time, there was a significant activation of the ethno-cultural self-awareness of this dias-

pora group, cultural centers and Korean cultural societies were organized. In Chelyabinsk in that period, a Korean cultural center arose, Korean language courses, history and culture courses were organized, as well as a dance studio. Based on archival documents, materials of local periodicals and the press of the Korean diaspora, ethno-cultural and migration processes with the participation of «Koryo saram» have been reconstructed. It shows how the Korean cultural, educational societies of the region were created and worked, the main features of the socio-cultural appearance of the studied group were established: 1) the dynamics of the number and circumstances of the appearance of Koreans in the studied territorial boundaries; 2) distribution in urban and rural areas; 3) gender ratio; 4) level of proficiency in the Korean language; 5) migration behavior. Despite its small number (in 2002 – 959 people) Koreans turned out to be one of the most institutionally organized diaspora groups in the Chelyabinsk region. It is established that along with the activation of the identity of Russian Koreans and the creation of Korean national-cultural societies, the processes of assimilation and acculturation have gradually increased. Russian Koreans are one of the most vivid and distinctive diaspora groups that are represented today in Russia and the countries of Central Asia (primarily Kazakhstan and Uzbekistan). In the historical period considered in this article, some members of the Korean diaspora had a very noticeable impact on the ethno-cultural development of the Chelyabinsk region.

Keywords: Southern Urals, Chelyabinsk region, diasporas, Russian Koreans, migration, identity of diasporas.

For citation: Avdashkin A. A. Koryo Saram in the Southern Urals in 1989–2002 (on the Materials of Chelyabinsk Region). *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2018, Vol. 24, pp. 106–117. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.24.106> (in Russ.)

References

Bugai N. F. 150 let dobrovolnomu pereseleniyu koreitsev v Rossii: transformatsii ehtnicheskoi obshchnosti (istoriografiya problemy) [150 years of voluntary resettlement of Koreans in Russia: transformations of ethnic community (historiography of the problem)]. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl [Historical and Socio-Educational Thought]*. 2014a, Is. 1, pp. 16–27. (In Russ.)

Bugai N. F. Obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost koreitsev Rossii i politicheskaya kultura [Social and political activity of Koreans in Russia and political culture]. *Belye pyatna rossiiskoi i mirovoi istorii [White spots of Russian and World History]*. 2014b, Is. 1–2, pp. 26–55. (In Russ.)

Gosudarstvo i nacional'no-kulturnye obiedineniya: sotsialnoe partnerstvo [State and national-cultural associations: social partnership]. Chelyabinsk, Pravitel'stvo Chelyabinskoi oblasti Publ., 2004, 96 p. (In Russ.)

Kamenskikh M. S. Sovremennyye akkulturacionnyye protsessy i predstavleniya o semeinom uklade i sobstvennoi identichnosti u rossiiskikh koreitsev Permskogo kraja [Modern acculturation processes and ideas about the family way of life and their own identity among Russian Koreans of Perm Region]. *Vestnik Permskogo nauchnogo centra [Bulletin of the Perm Scientific Center]*. 2015, Is. 4, pp. 76–83. (In Russ.)

Kamenskikh M. S. *Koreitsy Permi: istoriya i kultura [Koreans of Perm: History and Culture]*. St. Petersburg, Mamatov Publ., 2016, 64 p. (In Russ.)

Kim G. N. Ob istorii prinuditel'no-dobrovol'nogo zabveniya "rodnogo" yazyka postsovetскими koreitsami (na primere Kazakhstana) [On the history of voluntary and forced oblivion of the native language by the Koreans of Kazakhstan]. *Diaspory [Diaspora]*. 2003, Is. 1, pp. 112–147. (In Russ.)

Luzin L. N. *Planeta Yuzhnyi Ural: zhivaya entsiklopediya narodov Chelyabinskoi oblasti [Planet South Ural: a living encyclopedia of the peoples of the Chelyabinsk region]*. Chelyabinsk, Avto Graf Publ., 2012, 408 p. (In Russ.)

Moskvin I. Yu. Etnokulturnoe razvitie koreiskogo etnosa v Uralskom regione na sovremennom etape [Ethnocultural development of the Korean ethnos of the Ural region at the present stage]. *Koryo saram v Uralo-Kazakhstanskom regione. Materialy mezhtseobshchestvennogo kruglogo stola, posvyashchennogo 150-letiyu dobrovolnogo pereseleniya koreitsev v Rossiyu* [Koryo Saram in the Ural-Kazakhstan region. Materials of the interregional roundtable dedicated to the 150th anniversary of the voluntary resettlement of Koreans to Russia]. Orenburg, 2014, pp. 52–56. (In Russ.).

Pak V. Ch. Nravstvennoe vospitanie i natsionalnye traditsii koreitsev [Moral education and national traditions of Koreans]. *Mezhdunarodnyi forum "Deti–Molodezh–Obchestvo. Problemy vospitaniya patriota i grazhdanina v sovremennykh usloviyakh"* (Chelyabinsk, 18–19 maya 2000 g.) [International forum "Children–Youth–Society. Problems of education of a patriot and a citizen in modern conditions" (Chelyabinsk, May 18–19, 2000)]. Chelyabinsk, 2000, pp. 41–44. (In Russ.).

Suvorova N. N., Zhuravlev A. V., Ivanov T. M. *Analiz migratsionnykh protsessov na territorii Chelyabinskoi oblasti* [Analysis of migration processes in the territory of the Chelyabinsk region]. Chelyabinsk, 1997, 34 p. (In Russ.).

Ten M. D. Koreitsy SNG: ot obshchei istorii k edinomu etnokulturnomu soobshchestvu evraziiskikh koreitsev [The CIS Koreans: from a common history to a single ethno-cultural community of Eurasian Koreans]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals]. 2017, Is. 1, pp. 35–50. (In Russ.).

Авдашкин Андрей Александрович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет; Россия, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76
e-mail: adrianmaricka@mail.ru

Avdashkin Andrey Aleksandrovich

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, South Ural State University; 76, Lenin Avenue, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation
e-mail: adrianmaricka@mail.ru